

Черноморско-Каспийский регион как поле «Большой игры»: классификационный системный анализ

М.Д. Розин, В.Н. Рябцев, В.П. Свечкарев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация: Объектом системного анализа все чаще становятся геополитические конструкты. Предлагается в рамках системного анализа сконцентрироваться на классификационных аспектах структурных элементов такого геополитического объекта как Черноморско-Каспийский регион. Классификационному анализу подвергаются акторы (игроки), иницирующие «Большую игру» на политическом поле региона. Предлагается рассмотрение морфологического (поэлементного) состава Черноморско-Каспийского региона с последующим ранжированием «местных» акторов и выстраиванием «кристаллической решетки» регионального масштаба. Для исследования акторов предлагается использовать аддитивный и интегративный подходы. Первый Он предполагает поочередное рассмотрение трех географических субрегионов «Черноморье – Кавказ – Каспий» как площадок «место-действия». Второй подход исходит из невозможности четкого определения естественных границ «Черноморья», «Кавказа» и «Каспийского бассейна», взятых по отдельности. Авторы предлагают под границами в чисто географическом смысле понимать некую область перехода между средами и/или пространствами с качественно и количественно различными свойствами и параметрами. Реально наблюдается «наложение» трех вышеуказанных субрегионов, их взаимопересечение, факт «пребывания» некоторых государств этой зоны сразу в нескольких из этих субрегионов.

Ключевые слова: геополитика, «Большая игра», Черноморско-Каспийский регион, системный анализ, классификация, ранжирование

Объектом системного анализа все чаще становятся геополитические конструкты, что является естественным стремлением политологов различного уровня расширить свой исследовательский потенциал естественнонаучным системным инструментарием. Такая тенденция наблюдается в зарубежных публикациях (см., например, [1, 2]). Аналогичный подход демонстрируют и статьи данной направленности в журнале «Инженерный вестник Дона» (см., например, [3, 4]). В настоящей статье предлагается в рамках системного анализа сконцентрироваться на классификационных аспектах структурных элементов такого геополитического объекта как Черноморско-Каспийский регион (ЧКР), точнее на классификационном анализе его акторов (игроков), иницирующих «Большую игру» на его поле.

Говоря о политологии международных отношений и геополитике, заметим: здесь уже давно принято использовать различного рода метафорические определения. Не сказать, чтобы всегда это было к месту, но порой бывает и «100-процентное попадание». Наиболее часто специалисты, работающие в вышеназванных областях, употребляют такие образы, как «мировая (или региональная) шахматная доска», «участники игры», «ставки в игре», «стратегия (и варианты) действий», «игровое поле», «соперничество» и т.д. В этом есть немалый резон. Как справедливо замечает крупный авторитет в отечественном кавказоведении проф. РФ В.В. Дегоев: «В международной политике, как и в политике вообще, всегда присутствуют элементы игры – явно или незримо. Столкновение межгосударственных интересов, корпоративных или личных страстей, незаурядных или банальных политических типажей происходят в игровом поле, где дипломатическое состязание и компромиссы чередуются с конфликтами и войнами. При большей или меньшей универсальности общих правил такой игры ставки в ней бывают разные. И, случается, с течением исторического времени они повышаются настолько, что порождают опасный, иррациональный азарт, захватывающий все новых и новых игроков» [5].

Как тут не вспомнить сложные и порой весьма ожесточенные геополитические «игры», которые вели между собой на протяжении длительного периода времени Британская и Российская империя (не важно, где они происходили: на Кавказе, в Персии или в Центральной Азии)! Как здесь не привести в качестве примера и «Великое Соперничество» США и СССР в период 1946 – 1991 гг., которое распространялось чуть ли не на весь мир! Единственное, что обычно добавляют, говоря о таких имевших место ранее или актуальных прецедентах, это прилагательное «большая» к слову «игра» (тогда, соответственно, и писать его надо с большой буквы). Иначе говоря, позволить себе такого рода игры могут только немногие державы,

каждая из которых в зависимости от силы (мощности) и протяженности своего геополитического луча проецирует свою силу и влияние на конкретный сегмент мирового пространства, а то и на все это пространство в целом [6].

Конечно, мир меняется (хотя не всегда эти изменения – к лучшему). Меняется и набор основных «игроков» на мировой политической сцене. Неизменным остается только одно – правила поведения, алгоритм действий участников геополитической «Игры». Значит, как было, так и есть: все взвешивают свои интересы, выстраивают конкретные цели, формулируют позиции и заявляют их, просчитывают возможные ходы соперника, ищут необходимые ресурсы и делают предпочтения. Одним словом, все ведут «Большую Игру» и делают это, как могут. Регионом, в котором уже достаточно давно началась такая «Игра» (сразу скажем: нешуточная, с использованием самых весомых «аргументов»!), является обширная географическая зона, протянувшаяся от Балкан до Центральной Азии, т.е. Черноморско-Каспийский регион (ЧКР).

Дело в том, что с исчезновением советского «колосса» произошел серьезный сдвиг силовых полей, повлекший за собой возникновение в ряде зон Евразии так называемых мягких кластеров. Очень быстро оказалось, что на этих территориях, которые до недавнего времени находились под тотальным политическим контролем, а большей частью и юрисдикцией Москвы, есть что делить, на что претендовать и по поводу чего соперничать. И в зависимости от того, оказались ли совместимыми интересы новых «претендентов на наследство» или нет, между ними и стали выстраиваться соответствующие взаимоотношения: сотрудничества или конфронтации. Но при этом оказалось, что *рецессия* некогда советского, а затем российского влияния в этой зоне мира *не привела ни к возникновению полного вакуума, ни усилению суверенитета «освободившихся» территорий* (в виде новых

независимых государств), так как их провинциальный статус, по выражению А.Г. Дугина, «исключает их геополитическую автаркию» [7]. Именно поэтому сюда и начинается проникновение внерегиональных акторов.

Одной из таких зон, где все вышесказанное проявилось во всей своей определенности и остроте, как раз и стала зона «Черное море - Кавказ - Каспий». В принципиально новых исторических условиях, которые сложились сразу же после краха биполярной системы, она превратилась из чисто географической (точнее говоря, политико-географической) реальности в реальность *геополитическую*, в особый сегмент мирового геополитического пространства. С потерей «советской прописки» ЧКР вовсе не стал некой *territoria nullis*, или, как выражается С.Б. Переслегин, «геополитической пустыней» [8], а наоборот – стал весьма значимым регионом мира, поскольку оказалось, что в зоне, некогда практически монополюльно контролировавшейся «Империей Кремля», сосредоточен огромный ресурсный потенциал, плюс к этому он оказался на перекрестье важнейших транзитных коммуникаций. Добавим к сказанному, что к настоящему времени значимость ЧКР была «повышена», как минимум, еще дважды: после югосе-тинского кризиса 2008 г. и «русской весны» в Крыму в марте 2014 г.

Заметим: безусловно, «Игра» – «Игрой» (речь, повторяем, идет о геополитических, а не каких-либо иных, «ристалищах»). Об этом надо говорить основательно и всерьез. Но начинать-то надо не с этого, т.е. не с «игроков», сидящих за «партией», а с выяснения параметров той «шахматной доски», на которой она всю идет. Вот тот вопрос, который на данном этапе нашего анализа выходит на первый план.

Оговоримся: если и использовать ставшее уже привычным образное высказывание Зб. Бжезинского из его «Великой шахматной доски», прочно закрепившееся в лексиконе исследователей и экспертов, то надо понимать ряд вещей, а именно: а) если это и «шахматная доска», то специфическая – не

четырёхугольная, а многоугольная; б) это не моноплоскость, а многоплоскостное образование, многоуровневая система; в) это «доска», состоящая не исключительно из 36-ти квадратов, а доска, в которой может быть их и больше, и меньше числа 36, причем число их может быть подвижным; наконец, г) это «шахматная доска» с фигурами, которыми не только играют, но и которые сами играют (в силу относительной самостоятельности их действий, в ограниченных рамках и зачастую только с позволения сидящих за «доской» и разыгрывающих партию «игроков»). «Расширяя» образ, скажем, что это – весьма своеобразная «шахматная доска», поле которой не расчерчено на ровные квадратики, а отдельные «квадратики» имеют причудливую криволинейную форму разного размера, да вдобавок, границы этих ячеек меняются с той или иной исторической скоростью.

Однако, занимаясь изучением геополитической «архитектуры» и динамики такой сложной и нестабильной зоны современного мира, как ЧКР – полем «Большой Игры», к тому же еще и расположенной рядом с таким мегарегионом мировой нестабильности, как Ближний и Средний Восток (Великое Пятиморье), надо начинать с самой простой процедуры – с определения географических параметров, или, точнее сказать, политико-географических характеристик интересующей нас «площадки», где происходит, выражаясь языком одного из лидеров евразийства первой «волны» – Г.В. Вернадского, особое «местодействие». Это предполагает рассмотрение морфологического (поэлементного) состава ЧКР с последующим ранжированием «местных» акторов, а также выстраивание «кристаллической решетки» регионального масштаба.

В рамках данной статьи мы позволим себе высказаться лишь по первой части этого важного (сдвоенного!) вопроса, а именно: о морфологическом составе ЧКР и выполнить его классификационный анализ. И для начала

разговора сошлемся здесь на мнение классика. Один из крупнейших представителей политической географии американский ученый Р. Хартсхорн писал в свое время так: конечно, политические карты дают неполную картину действительности; они не отражают различий в рельефе, растительном покрове, плотности населения, типе хозяйства и в других культурных особенностях ландшафта. Это так. «Однако, – продолжал он свою мысль, – при изучении земной поверхности как места обитания человека вполне правомерно особо подчеркивать границы политически обособленных территорий (выделено нами. – М.Р., В.Р., В.С.). Политическая власть, организованная в виде системы независимых, суверенных государств, каждое из которых имеет свои специфические особенности, оказывает решающее влияние на образ жизни людей и на способ использования природных ресурсов» [9].

Отталкиваясь от этой мысли, зададимся теперь вопросом: какие государства входят сегодня в эту обширную зону мира в условиях, создавшихся после распада Советского Союза и его сферы влияния? Кто конкретно? При все видимой легкости ответа на него, здесь далеко не все так очевидно и есть над чем подумать, о чем всерьез поразмыслить... Привлекая к анализу, между прочим, частично и аппарат того, что со времен известного французского географа И. Лакоста называется теорией внутренней геополитики. Здесь, в принципе, с нашей точки зрения, можно (и следует) использовать два подхода.

Во-первых, можно рассматривать юго-западную периферию бывшего Советского Союза как совокупность (рядоположенность) трех отдельных географических «организмов», или субрегионов. При таком подходе мы, естественно, обращаемся к данным регионоведения и страноведения и должны использовать такие понятия, как «Черноморский бассейн» (или, как еще говорят, «Черноморье»), «Кавказ» и «Каспийский бассейн» (или коротко

– «Каспий»). Такого рода логика подталкивает к необходимости выделять три вектора внешнеполитической деятельности Российского государства и его политики в сфере безопасности на южном стратегическом направлении, а именно: черноморский, кавказский и каспийский. При этом следует понимать, что центрирующим вектором, «несущей конструкцией» «Большой Политики», которую призвана проводить современная Россия на южном направлении, является именно кавказский вектор (С глубоким знанием дела эту мысль впервые сформулировал выдающийся русский геополитик и публицист панславистской ориентации Р.А. Фадеев [10]).

Во-вторых, можно использовать подход расширительного толкования той географической «площадки», которая непосредственно примыкает к границам России на указанном направлении, т.е. каким-то образом объединять вышеуказанные субрегионы в одну общую «площадку». Соответственно, тогда Москве на Юге необходимо по-другому выстраивать геополитику и решать военно-стратегические вопросы, используя, в частности, выгодное местоположение, богатые ресурсы и достаточно хорошо развитую инфраструктуру Кубани, Дона и Нижнего Поволжья. С нашей точки зрения, это значит – российскому руководству надо ориентироваться на более широкий формат своих действий. В этом случае задающей «рамкой» будет уже вся обширная зона, которая протянулась от Балкан до Центральной Азии.

Итак, о практическом применении двух подходов к характеристике зоны «Черноморье – Кавказ – Каспий».

Первый подход. Условно его можно назвать механистическим (или аддитивным). Он предполагает поочередное рассмотрение трех названных географических субрегионов как площадок «место-действия». Вот как этот подход выглядит на деле.

I. Черноморская площадка

Черноморский регион (бассейн) в физико-географическом плане представляет собой некую впадину, в которую стекают мощные полноводные реки с севера, тогда как с юга его ограничивают горные хребты полуострова Малая Азия. С востока регион ограничен горными массивами, а с запада – Балканами и Карпатами, между которыми пробивается к морю речная система Дуная [11]. Если брать за основу политико-географический подход и толковать вопрос формально-юридически, т.е. говорить о субъектах международного права в этой зоне мира, то Черноморский бассейн включает в себя такие страны, как Украина (самая морская, так сказать, из всех черноморских стран), Россия, Грузия, Турция, Болгария, Румыния, Молдова.

Следует специально оговорить вопрос о Молдове, статус которой как черноморского государства порой оспаривается специалистами. Полагаем, что это неверно. Дело в том, что, воспользовавшись слабостью Украины в середине 1990-х гг., огласившейся в ходе переговоров о делимитации границы передать Молдове 400 м своей территории с выходом к Дунаю, где та получила возможность построить порт в Джурджулештах, в обмен на часть своей территории, по которой проходит трасса Одесса – Рени и которая заходит в Молдову. (Уточним одну деталь: участок железной дороги, по которой украинские грузы идут в порт Рени, также проходит по территории Молдовы и принадлежит ей.) Последняя (через Дунай) де-факто получила выход к Черному морю [11].

Кроме того, в силу исторических обстоятельств, а также по причине давно сложившихся (и не всегда мирных) межстрановых взаимодействий к этому региону следует также причислить Грецию.

Однако, если рассуждать не чисто юридически, т.е. с формальной точки зрения, а брать аспект практической политики, то картина будет выглядеть несколько иначе. Число «местных» акторов будет значительно больше, поскольку на территории одного из государств Черноморья (Молдовы)

существует фактически самостоятельное государственное образование – полиэтничная Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), а также еще два образования, бывших в недавнем прошлом квазигосударствами и формально все еще «прописанные» за Грузией, – Республика Абхазия и Республика Южная Осетия – не только де-факто, но и уже де-юре (по крайней мере, с августа 2008 г.) стали независимыми государствами. Таким образом, морфологический состав Черноморья, как особой географической «площадки» должен быть расширен.

Иногда в литературе (особенно общественно-политической, частично экспертами) используется еще и такой термин, как «Причерноморье», причем часто в качестве заменителя «Черноморского бассейна». С нашей точки зрения, это не совсем верно, поскольку в строго научном смысле слова термин «Причерноморье» чисто описательное. И обозначает он, прежде всего, те внутристрановые регионы, которые непосредственно выходят к Черному морю (например, для России это с недавнего времени реинтегрированный в ее политико-правовое пространство Крым, Краснодарский край – как он в целом, так и протяженная агломерация «Большой Сочи» в частности, в известной мере Ростовская область; для Украины – это полиэтничный Буджак, или Южная Бессарабия и области украинского Приазовья; для Грузии – это Мегрелия, Гурия и исламизированная некогда турками Аджария, проявлявшая в свое время сильную тенденцию к сепаратизму).

II. Кавказская площадка

Опять-таки, если брать формально-юридическую сторону дела, то к нему следует отнести Россию, Грузию, Армению и Азербайджан. Россия при этом теперь представлена не одним, как это было до 2010 г., а двумя федеральными округами РФ – Южным (в него вошел не так давно образованный Крымский округ, уже выполнивший свои функции), и Северо-

Кавказским. Но и здесь морфологический состав региона должен быть расширен за счет, во-первых (как мы уже отмечали выше), Абхазии и Южной Осетии, а также Нагорно-Карабахской Республики (НКР) – квазигосударства, уже достаточно длительный период времени существующего вне правового поля Азербайджана и образующего де-факто единое культурное и торгово-экономическое поле с Арменией.

И еще один принципиальный момент. Как отмечает тот же А.Г. Дугин, на трех закавказских странах Кавказ, вообще-то, не заканчивается. Следует выделить дополнительный, потенциальный пояс, находящийся не только за пределами России, но и СНГ. По его мнению, он состоит из: а) населенных азербайджанцами северо-западных провинций (останов) Ирана – так называемого Южного Азербайджана, или Атрапатакана [12], б) выходящего на Аджарию и Месхетию северо-восточного сегмента территории Турции – исторического Лазистана (земель, издавна населенных автохтонами этих мест лазами, хотя это, скорее, касается Турции как черноморского государства, и в) тех районов на востоке этой страны, которые в значительной степени некогда были населены армянами и курдами, а ныне только курдами [7].

Кстати, о последних. Приходится учитывать и курдский фактор. Ведь США, а заодно с ним Израиль уже позаботились о закладке мощнейшей «мины» на Ближнем и Среднем Востоке, могущей взорвать весь регион. Речь идет о «Северном Курдистане», где существует квазигосударство иракских курдов, де-факто независимое от Багдада, но не считающееся с интересами местного арабского и туркоманского населения, и где еще только предстоит битва за нефтяной Киркук [13]. Впечатляют и успехи, достигнутые курдами в Сирии, где режим Асада несколько лет назад уже пошел им на некоторые уступки и где они де-факто контролируют значительную часть северо-востока страны и (частично) западный сегмент сирийско-турецкой границы,

оказывая ожесточенное сопротивление отрядам ИГИЛ. Это регион Рожава – то, что традиционно считается западной частью исторического Курдистана, хотя здесь кроме курдов проживает и немного ассирийцев, армян, арабов и туркоманов.

Учитывая начавшийся глубокий политический кризис в Турции и перманентную нестабильность на юго-востоке страны, где давно идут масштабные боевые действия «малой» и средней интенсивности, а главное – новую «волну» арабской весны, которая может сильнее всего образом дестабилизировать режим Т.Р. Эрдогана, исключить «балканизацию» Турции нельзя. И применительно к нынешней Турции никто не «отменял» курдский ирредентизм и в случае дальнейшего укрепления «Северного Курдистана», а также роста амбиций РПК в самой Турции, через какой-то период времени мы вполне можем увидеть воплощение геополитического проекта Р. Петерса с его знаменитой картой «перереформирования» Ближнего/Среднего Востока (2006 г.), а заодно с ними и Южного Кавказа (напомним, что согласно его карте, земли единого Курдистана на севере могут иметь выход даже к Черному морю!) [14]. Сегодня США так увлечены созданием независимого Курдистана, что мы в одночасье можем увидеть в регионе аналог «албанского Косово».

К этому добавим, что сюда же следует включить южную часть исторического Талышстана, земли которого уходят на территорию современного Ирана [15]. Что касается последнего, то, учитывая географическое положение таких останков (провинций), как Западный и Восточный Азербайджан, а также Ардебиль, эту страну также можно отнести к числу кавказских государств. По крайней мере, мы согласны с аргументами тех авторов, которые так считают [16].

Так что, как мы видим, следует говорить скорее не о Кавказе как таковом, сколько о Большом Кавказском регионе («Большом Кавказе»). И в

этом плане, нельзя не согласиться с грузинскими исследователями А.В. Русецким и О. Дорохиной, которые критикуют точку зрения, сторонники которой сужают параметры Кавказа до минимума – за счет того, что в пределы Кавказского региона не включаются такие турецкие вилайеты (илы), как Карс, Ардаган, Арвин, Игдыр, Агры и Ван и северо-западные области Ирана (помимо названных нами выше останов, это еще и такие административные «единицы», как Занджан, Кязвин и Гилян). «Указанные области многие века до завоевания Россией Кавказа находились в одном социально-экономическом и этнокультурном ареале, где и настоящее время проживают в основном кавказские народы, что позволяет считать их «кавказскими» областями этих стран, как и Кавказский регион России (Северный Кавказ)» [17].

Отметим также еще одно важное обстоятельство. Достаточно посмотреть на географическую карту, чтобы увидеть: «южно-российский конус» (а такова геополитическая конфигурация территории нашего государства на южном направлении) едва ли не вдвое превышает общую территорию стран Закавказья. Так что без этого «конуса» современный Кавказ представить нельзя, хотя многим на Западе очень хочется сделать его «регионом без России», для чего часто искусственно навязывается словосочетание «Россия и Кавказ» и выстраивается соответствующий антироссийский политический дискурс. Но вот с терминологической стороной дела все же следует разобраться.

Не вдаваясь в дискуссию о соотношении понятий «Юг России», «Северный Кавказ» и т.д., отметим, что в специальной литературе мы встречаем разные подходы. Так, например, одни толкуют понятие «Юг России», фактически отождествляя его с понятием «Южный федеральный округ». Другие присовокупляют к нему еще «Северо-Кавказский федеральный округ», ставший в 2010 г. самостоятельной «единицей» АТД

РФ. Третьи, что, скорее всего, наиболее верно с точки зрения внутренней геополитики после марта 2014 г. стали добавлять к этой «паре» и третьего фигуранта – крымский регион. При таком подходе «Юг России» представляет собой несколько территориальных сегментов, а именно: 1) территории, занимаемые республиками Северного Кавказа; 2) обширный массив русских земель, идущий от Севастополя к Таганрогу и далее до Астрахани с верхней точкой в Волгограде – месте максимального сближения таких рек, как Дон и Волга; 3) все собственно русские земли, расположенные между Черным морем и Каспием, куда также своеобразным клином входит Калмыкия, т.е. практически все Волжское Понизовье. Другие специалисты, однако, считают, что это спор о словах. Они полагают: как ни назови эти земли («Юг», «Северный Кавказ» или еще как-то), все равно речь идет об одном и том же – обо всех вышеуказанных территориях, только без Волгоградской и Астраханской областей, а также без Калмыкии (фактически этот подход был реализован в недавнем прошлом, когда в нашей стране выделялся особый Северо-Кавказский экономический район). Третья же группа специалистов считает, что понятие «Северный Кавказ» охватывает только национальные республики (от Адыгеи до Дагестана), а Юг России – это лишь Дон, Кубань и Ставрополье [18].

III. Каспийская площадка

В отличие от физико-географического подхода к определению параметров этого региона, в основании которого может быть положен так называемый гидрологический фактор [19], с определением политико-географических параметров Каспийской площадки дело также обстоит сложнее. Собственно географический подход ориентирует нас на выделение в этой зоне мира лишь пяти государств, являющихся субъектами международного права: России, Казахстана, Туркменистана, Ирана и Азербайджана. Хотя, учитывая большие размеры и территориальную

отдаленность большей части, по крайней мере, трех из этих государств – России, Казахстана и Ирана, многие эксперты отмечают необоснованность отнесения к Каспийскому региону всех территорий этих государств. У каждого из них есть свои внутристрановые регионы, которые непосредственно выходят к Каспийскому морю. Скажем, для России это Дагестан, Калмыкия и Волжское Понизовье с центром в Астрахани; для Казахстана – вся его западная часть, где находится главная «нефтяная провинция» этой страны (регион Менгистау); для Ирана – практически вся та часть страны, которая находится за хребтом Эльбурс (тот же Ардебиль, а также останы Мазендаран, Голестан, Северный Хорасан, отчасти Семнан). Говорить о полной развернутости к Каспию всей территории страны можно говорить лишь применительно к Азербайджану. Практически вся страна привязана к Каспию и к тому, что происходит на нем (и рядом с ним), а также в случае с Туркменистаном.

Но существует другая точка зрения, согласно которой к Каспийскому региону следует относить девять государств, а именно: помимо пяти прикаспийских еще и Турцию, Грузию, Армению и Узбекистан. Правда, сторонники такого расширительного подхода предпочитают использовать другой термин – «Каспийский бассейн» [20].

Второй подход. Его можно назвать расширительным (или интегративным). Сторонники этого подхода (и в их числе авторы данной статьи) делают акцент на невозможность четкого определения естественных границ «Черноморья», «Кавказа» и «Каспийского бассейна», взятых по отдельности. Если под границами в чисто географическом смысле понимать некую область (линию, район или зону) перехода между средами и/или пространствами с качественно и количественно различными свойствами и параметрами [21], то в данном случае провести такого рода «делимитацию» не просто. Кроме того, и это более важное обстоятельство, реально мы

сталкиваемся с известным «наложением» трех вышеуказанных субрегионов, их взаимопересечением, фактом «пребывания» некоторых государств этой зоны сразу в нескольких из этих субрегионов.

Таким образом, анализируя поэлементный состав «Черноморья», «Кавказа» и «Каспийского бассейна», мы приходим к выводу, что есть одно государство, территориально входящее во все три. Это Россия. Имея в качестве опорной конструкции своей системы безопасности на южном стратегическом направлении «Русский Юг» и Северный Кавказ с выходом к двум обширным акваториям – Черному морю и Каспию, – она по праву может называться черноморской, кавказской и каспийской державой. При этом пристальный интерес Российского государства (как это было исторически, так и сейчас), конечно же, прикован прежде всего к Кавказу. Ибо здесь действует так называемый «императив Фадеева», согласно которому: «Государство, упирающееся в Черное и Каспийское моря, не может быть равнодушно к тому, что происходит на кавказском перешейке, который в полном смысле слова командует этими морями» [10]. Практически тот же, что и Россия, статус имеет Грузия, которую издревле называли «срединным» государством на Кавказе, и Турция. Особо отметим: оба эти государства непосредственно не принадлежат Каспийскому региону, но настолько сильно втянуты в дела нефтяной, а теперь и газовой дипломатии на Каспии, геоэкономически столь плотно завязаны на Азербайджан, что оторвать их от каспийского «ландшафта» не представляется возможным. Наконец, есть Иран. Он выступает в двух ипостасях: в основном как каспийское государство, но частично (через р. Аракс, в направлении Карабаха и Азербайджана) и как кавказское.

Стало быть, в широком смысле можно говорить о едином – Черноморско-Кавказско-Каспийском – регионе. Сегодня это тем более верно, что современные геоэкономические и геополитические процессы, как мы уже

сказали, буквально «стягивают» воедино эти внешне разрозненные географические «организмы», эти субрегиональные «площадки», создают из них единую «шахматную доску», единое поле «Игры». По этой причине общей географической рамкой, объединяющей немалое число государств между Балканами и Центральной Азией, в современных условиях является формат Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), дополненный форматом «Каспийской пятерки» (КП), точнее говоря, тремя ее членами – Казахстаном, Туркменистаном и Ираном.

Если говорить в целом о международно-политической «надстройке» в ЧКР, то в современных условиях здесь нет единой (одной для всех) организации общей или широкой компетенции. Из тех международных (региональных) организаций, которые вообще фигурируют на этой «площадке» (помимо ОЧЭС), следует назвать Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), в которую, как известно, входят Китай, Казахстан, Россия, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, а также Организацию экономического сотрудничества (ОЭС), в которую входят только страны исламского пояса: Азербайджан, Афганистан, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Туркмения, Турция и опять-таки Узбекистан. Именно эти организации, являясь самыми широкими по своей компетенции, накладываются друг на друга и как бы «покрывают» все пространство ЧКР.

Еще более интересная картина складывается в вопросе о том, в какие международные экономические организации входят представители черноморской, кавказской и каспийской «площадок». Здесь налицо достаточно глубокий разрыв геополитического пространства ЧКР на два четких сегмента. Один из них образуют государства, входившие ранее в ЕврАзЭС (Россия, Казахстан и Узбекистан, который временно приостановил свое членство в этой структуре + три наблюдателя: Армения, Молдова и Украина, со своим весьма специфическим «поведением» после Майдана 2014

г.), но прежде всего члены нового интегративного объединения в Северной Евразии – Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе двух «ядерных» держав – России и Казахстана + Армения и Кыргызстан (Белоруссия, естественно, тоже входит в ЕАЭС, но она не относится к ЧКР). Другой сегмент образует проецирующий свое влияние Евросоюз, в котором давно присутствует Греция и в который недавно вошли такие «новобранцы», как Болгария и Румыния. Подпоркой им является группа стран Черноморья и Южного Кавказа, специально образованная Брюсселем для их «обучения искусству жить в Единой Европе». С этой целью, как известно, была создана специальная Программа ЕС «Восточное партнерство», в которую на сегодняшний день входят такие государства ЧКР, как Армения, Грузия, Азербайджан, Украина и Молдова (первая и третья страны в ней, заметим, малоактивны).

И, наконец, еще одно «перекрытие» региона, приводящее только к его большей дифференциации. Мы имеем в виду раскол геополитического пространства от Балкан до Каспия, который объективно производит вхождение разных государств этой зоны мира в боковые/протоблоковые структуры, а именно: в НАТО, членами которого на сегодняшний день являются Греция, Турция, Болгария, Румыния и Албания, и ОДКБ, куда входят Россия, Армения и Казахстан. При этом, что интересно, как и в первом случае (в случае с международными экономическими организациями) и у НАТО, и у ОДКБ есть свои «опорные» мини-структуры, свои «организации-спутники». Они состоят из а) пронатовски настроенных и б) ориентированных именно на Россию слабых, мини- и квазигосударств ЧКР. Так, на стороне НАТО сегодня «играют» Грузия, Украина, частично Азербайджан и Молдова, входящие в Организацию за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (до мая 2006 – ГУУАМ). На стороне России и ОДКБ «играют» Абхазия, Южная Осетия и ПМР (теперь только

последняя осталась в статусе квазигосударства). В свое время они образовали «Сообщество за демократию и права народов», ориентированное на Москву.

В связи с вышесказанным сделаем акцент на двух важных моментах.

Во-первых. Собственно черноморский сегмент этого поля сегодня должен быть обязательно дополнен балканским «элементом». Понятно при этом, что большая часть стран этого региона (Балкан) и так входит в ОЧЭС. Но до последнего времени балканские члены этой организации, будучи заняты преимущественно решением своих внутренних и/или чисто балканских проблем, не играли особой роли на геополитической «площадке» ЧКР. Сербия, Албания и Македония были излишне «зациклены» на косовской ситуации. В нынешних же условиях, в связи с резкой актуализацией вопроса о прокладке с территории Северного Кавказа и из Прикаспия в Европу через территорию балканских государств новых нефте- и газопроводов (что, как мы видим, вызывает резко негативную реакцию со стороны Украины, а временами и Турции, плюс постоянное «пикирование» с Москвой по этому поводу руководства ЕС), эти последние невольно начинают себя более активно позиционировать как значимые транзитные государства. Прежде всего это относится, естественно, к Сербии. Но теперь – где Сербия, там и Косово (теперь де-факто и де-юре независимый субъект международно-го права, поскольку легитимность местного режима признало уже 109 государств мира), которое весьма значимо для Запада, прежде всего для США, тем, что обладает выгодным геостратегическим положением (это важно для размещения здесь военных баз) и тем, что позволяет проводить по его территории нефтепровод, альтернативный российским сетям транзита энергоресурсов (речь идет о таком «долгострое», как Трансбалканский нефтепровод Влера – Бургас). Хотя для ЕС эта вновьявленное государство – скорее дополнительная головная боль, учитывая роль Косово и косоваров в

«производстве» криминальных услуг и выгодное положение этого края на пути наркотрафика в Европу.

Во-вторых. В нынешних условиях именно Каспийский бассейн – «невралгический узел» всей обширной зоны мира, которая пролегает от Центральной Азии до Балкан. Не случайно он вызывает такой пристальный интерес у крупных мировых игроков (в том числе и прежде всего внерегиональных). Стало быть, от того, что здесь происходит сегодня, и как тут будут идти дела завтра, во многом будет зависеть стабильность всего ЧКР. И от того, куда, в какую сторону пойдет завтра основной транзит углеводородов – все-таки на Запад или на Восток (в сторону Китая), будет зависеть «судьба» двух субрегиональных «площадок» – черноморской и кавказской. Они могут просто потерять роль важных стратегических карт Запада в «Великой энергетической войне» конца XX – начала XXI вв. [22]. Следовательно, резко упадет значимость и двух таких транзитных государств, как Грузия и Турция.

Вот почему, наряду с балканскими странами, о которых речь шла выше, в число активно действующих игроков на поле «Большой Игры» в ЧКР следует обязательно включить еще трех игроков: 1) такую ключевую страну в Прикаспии и на Южном Кавказе, как Иран, который стремительно превращается в едва ли не крупнейшего игрока на Среднем Востоке и все более активно позиционирует себя в качестве сверхдержавы в субрегионе Персидского залива (в немалой степени на это теперь работает недавнее снятие санкций с него); 2) обладающий немалыми запасами нефти Казахстан, который весьма активен в геоэкономическом отношении в зоне «Каспий – Черном море»; 3) давно привлекающий внимание стран Запада, а с недавнего времени и Китая, обладающий большими запасами газа Туркменистан. Последний, правда, еще недостаточно активен политически, но в свете складывающейся ситуации в Афганистане и вокруг него (да и по

другим причинам) Ашхабад начинает играть все более заметную роль на линии «Центральная Азия – Каспий – Кавказ». Кроме того, в последние годы Туркменистан становится все более заметным экономическим игроком, все лучше осваивается в роли крупного экспортера на мировом газовом рынке, плотно работая здесь с Китаем. В этой связи, кстати, интересен тот факт, что в дореволюционных геополитических раскладах, которые производили мудрые стратеги Российской империи, Туркменистан фигурировал преимущественно в контексте закавказских реалий, неся на себе при этом все издержки военных способов управления этой периферией Империи (малой эффективности узковедомственных военных коммуникаций из Центра через Закавказье в Закаспийскую область и обратно [23]. Весьма любопытен и другой факт: в качестве оптимальной линии прохождения границы Империи на Юге персидской стороне предлагалось уступить России полосу земли вдоль своей северной границы (северную часть Атрапатакана, но без Тебриза, большую часть Гиляна, Мазендеран и Астрабад, а также небольшую порубежную полосу Хорасана, но без Мешхеда). Такой вариант, как мы понимаем, предполагал опять-таки учет геополитиками Империи «фактора Туркменистана». И между прочим, еще до Первой мировой войны его предлагал, например, такой исследователь геополитики и публицист панславистской ориентации, как И.И. Дусинский [24].

По ряду позиций (в основном в контексте трубопроводной «дипломатии») к этой группе можно отнести также Узбекистан, хотя географически он все же входит в «Новую Центральную Азию», а геостратегически все больше и больше втягивается в нее. И предстоящий «вывод – невывод» американских войск из Афганистана и уже начавшиеся игры Вашингтона с Ташкентом, который в свое время дистанцировался от ОДКБ, только усилят этот процесс. Возможная же дестабилизация этой 32-х миллионной страны в духе «арабской весны» или «тюльпановой революции

(как это было, например, в соседней Киргизии) в связи с ослаблением жесткого политического режима, вызванного уходом из жизни И. Каримова, неизбежно окажет влияние на ситуацию в Каспийском субрегионе ЧКР.

Таковы, с нашей точки зрения, политико-географические параметры зоны «Черноморье – Кавказ – Каспий», которая стала в условиях постбиполярного мира, выражаясь языком представителя евразийства «первой волны» историка Г.В. Вернадского, «место-действием» [25] тех сложных и неоднозначных геополитических и геоэкономических процессов, которые сегодня разворачиваются вблизи южных границ России, на одном из важнейших, стратегических направлений ее внешней политики, и политики в области безопасности [26].

Литература

1. Atkin R.H. Combinatorial Connectivities in Social Systems. An Application of Simplicial Complex Structures to the Study of Large Organisations, Interdisciplinary Systems Research, 1997. 210 p.
 2. Roberts F.S., Graph theory and its applications to the problems of society, CBMS-NSF Monograph 29, SIAM Publications, Philadelphia, 1978. pp.7-14.
 3. Рябцев В.Н. Моделирование геополитических процессов в мировых регионах в условиях глобализации и его структурные уровни // Инженерный вестник Дона, 2012, №4, Ч.2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4p1y2012/1193
 4. Горелова Г.В., Рябцев В.Н. Когнитивный подход к исследованию геополитических процессов в мировых регионах и когнитивное моделирование их развития (на примере Черноморско-Каспийского региона) // Инженерный вестник Дона, 2012, №4, Ч.2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4p2y2012/1407
-

5. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. 2-е изд., расш. и доп. М.: Русская панорама, 2003. 512 с.
 6. Леонтьев М. Большая Игра. Британская империя против России и СССР. СПб.: Озон, 2012. 352 с.
 7. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. 4-е изд. М.: АРКТОГЕЯ-Центр, 2000. 914 с.
 8. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2006. 624 с.
 9. Хартсхорн Р. Политическая география // Американская география: современное состояние и перспективы. М.: Изд-во иност. лит., 1957. С. 171-215.
 10. Фадеев Р.А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2005. 640 с.
 11. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Черноморский узел. М.: Восток-Запад, 2007. 200 с.
 12. Сваранц А.А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Гуманитарий, 2002. 600 с.
 13. Караев С. Проект «Великий Израиль» // Евразия. Информационно-аналитический портал. URL: evrazia.org/article/1485
 14. Peters R. Blood borders. How a better Middle East would look. URL: armedforcesjournal.com/2006/06/1833899
 15. Арешев А.Г. Талышский регион и политические трансформации в ирано-кавказском регионе // CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 2 / под ред. В.А. Захарова. М.: «Русская панорама», 2013. 333 с.
 16. Беридзе Т., Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ и экономика Грузии. Баку: Нурлан, 2004. С. 18.
 17. Русецкий А.В., Дорохина О. «Архипелаг Кавказ» - мифы и реал-политик. Тбилиси: FES, 2009. 196 с.
-

18. Дружинин А.Г. Юг России: понятийно-терминологическая концепция и территориальные реалии // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 75-85.
19. Зонн И.С. Каспий: иллюзии и реальность. М.: Коркис, 1999. 467 с.
20. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003. 280 с.
21. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 507 с.
22. Кургинян С.Е. Игра с огнем. Системная аналитика событий, произошедших в мире и стране с середины сентября 2006 г. // Россия XXI. 2006. № 6. С. 6-16
23. Замятин Д.Н. Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // ПОЛИС. 1998. № 3. С. 133.
24. Дусинский И.И. Геополитика России (переиздание работы 1910 г.). М.: Москва, 2003. 320 с.
25. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000. 320 с.
26. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XX века. СПб.: Амфора, 2007. 382 с.

References

1. Atkin R. H., Combinatorial Connectivities in Social Systems. An Application of Simplicial Complex Structures to the Study of Large Organisations, Interdisciplinary Systems Research, 1997. 210 p.
2. Roberts F.S., Graph theory and its applications to the problems of society, CBMS-NSF Monograph 29, SIAM Publications, Philadelphia, 1978. pp 7-14.
3. Ryabtsev V.N. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus). 2012. №4. p.2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4p1y2012/1193

4. Gorelova G.V., Ryabtsev V.N. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus). 2012. №4. p.2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4p2y2012/1407
5. Degoev V.V. Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. [Great game on Caucasus: history and modernity]. M.: Russkaya panorama, 2003. 512 p.
6. Leont'ev M. Bol'shaya Igra. Britanskaya imperiya protiv Rossii i SSSR. [Great Game. The British Empire against Russia and the USSR]. SPb.: Ozon, 2012. 352 p.
7. Dugin A.G. Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii. Myslit' prostranstvom. [The foundations of geopolitics. The geopolitical future of Russia. To think space]. M.: ARKTOGEYA-Tsentr, 2000. 914 p.
8. Pereslegin S.B. Samouchitel' igry na mirovoy shakhmatnoy doske. [The tutorial game on the global chessboard]. M: AST; SPb.: Terra Fantastica, 2006. 624 p.
9. Khartskhorn R. Politicheskaya geografiya. Amerikanskaya geografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy. [Political geography. American geography: current status and prospects]. M.: Izd-vo inost. lit., 1957. pp. 171-215.
10. Fadeev R.A. Kavkazskaya voyna. [The Caucasian war]. M.: Eksmo, 2005. 640 p.
11. Grinevetskiy S.R., Zhil'tsov S.S., Zonn I.S. Chernomorskiy uzel. [Zonn the black sea node]. M.: Vostok-Zapad, 2007. 200 p.
12. Svarants A.A. Pantyrkizm v geostrategii Turtsii na Kavkaze. [Panturkism in the geopolitics of Turkey in the Caucasus] M.: Gumanitariy, 2002. 600 p.
13. Karaev S. Evraziya. Informatsionno-analiticheskiy portal. URL: evrazia.org/article/1485
14. Peters R. Blood borders. How a better Middle East would look. URL: armedforcesjournal.com/2006/06/1833899

15. Areshev A.G. CAUCASICA. Trudy Instituta politicheskikh i sotsial'nykh issledovaniy Chernomorsko-Kaspiyskogo regiona. T. 2. M.: «Russkaya panorama», 2013. 333 p.

16. Beridze T., Ismailov E., Papava V. Tsentral'nyy Kavkaz i ekonomika Gruzii. [The Central Caucasus and economy of Georgia]. Baku: Nurlan, 2004. 180 p.

17. Rusetskiy A.V., Dorokhina O. «Arhipelag Kavkaz» - mify i real-politik. [Archipelago Caucasus - myths and real policy]. Tbilisi: FES, 2009. 196 c.

18. Druzhinin A.G. Nauchnaya mysl' Kavkaza. 1999. № 3. pp. 75-85.

19. Zonn I.S. Kaspiy: illyuzii i real'nost' [The Caspian: illusion and reality]. M.: Korkis, 1999. 467 p.

20. Zhil'tsov S.S., Zonn I.S., Ushkov A.M. Geopolitika Kaspiyskogo regiona. [The geopolitics of the Caspian region]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. 280 p.

21. Zamyatin D.N. Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Space images and space images]. M.: Agraf, 2004. 507 p.

22. Kurginyan S.E. Rossiya XXI. 2006. № 6. pp. 6-16.

23. Zamyatin D.N. POLIS. 1998. № 3. p. 133.

24. Dusinskiy I.I. Geopolitika Rossii (pereizdanie raboty 1910 g.). [Geopolitics Of Russia]. M.: Moskva, 2003. 320 p.

25. Vernadskiy G.V. Nachertanie russkoy istorii. [The Mark of Russian history]. SPb.: Lan', 2000. 320 p.

26. Dugin A.G. Geopolitika postmoderna. Vremena novykh imperiy. Ocherki geopolitiki KhKh veka. [The geopolitics of postmodernity. Of new empires. The essays of geopolitics of the twentieth century]. SPb.: Amfora, 2007. 382 p.